

The background of the entire page is a teal color with a repeating geometric pattern. The pattern consists of white lines forming a series of interlocking, stylized 'X' or star shapes. Each 'X' is composed of multiple parallel lines, creating a sense of depth and texture. The spaces between the lines are filled with small white dots, creating a dotted effect. The overall pattern is dense and covers the entire surface.

СЕРГЕЙ БЕРСЕНЕВ

МУРАВЕЙНИК

Сергей Берсенеv

Муравейник

«Издательские решения»

Берсенов С.

Муравейник / С. Берсенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935311-5

В книгу члена Союза писателей России, члена Российского союза писателей, заслуженного поэта Московии Сергея Берсенева «Муравейник» вошли стихотворения философского и гражданского содержания, написанные за последние годы.

ISBN 978-5-44-935311-5

© Берсенов С.
© Издательские решения

Содержание

Баллада о добром капитане	6
Баллада об Эрнандо Кортесе	7
Баллада о межпланетном контакте	9
Баллада о взорванном доме	11
Один день из жизни...	13
Генерал	15
Голос Левитана	17
Поклонюсь...	18
Мой дед	19
Осенняя трагедия	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Муравейник

Сергей Берсенеv

© Сергей Берсенеv, 2018

ISBN 978-5-4493-5311-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Баллада о добром капитане

Однажды самый добрый капитан,
устав от лицемерия на суше,
позвал друзей – проведать океан,
соединить в шальном пространстве души.

Он принял всех желающих на борт,
не глядя в паспорта и на одежду:
«Там тоже – развлечения и спорт,
там тоже иногда – мороз по коже!»

Он свято верил в то, что говорил.
Как будто, перед сном читал молитву.
Кому-то по нутру был «юный» пыл,
вороны же прокаркали: «На битву!»

Корабль шёл порою среди льдов,
готовых превратить его в мочало.
Гордился капитан командой «львов»,
и не искал спасенья у причала.

Казалось, у беды нет козырей...
Ни – облачка на небе, ни – пробоин!
Из трюма запах маленьких зверей
лишь портил атмосферу с перепоя.

А вскоре чужеземный горизонт
фальшивою улыбкой замаячил:
«Годами вне грехов – какой резон?
Ваш капитан скорей похож на клячу...»

Всё ближе, ближе адская земля...
Заклинило штурвал, несёт на рифы!
И побежали «крысы» с корабля,
забыв, что у поэта в пушке рифмы.

И есть ещё надёжные друзья,
которых лёгким посулом не сманишь!
По волнам вдохновения скользя,
меняют курс бродяги – прочь от money!

Сегодня рано подводить итог —
взгляд капитана горной кручи выше.
И сколько им скитаться – только Бог
в невидимых своих тетрадах пишет.

Баллада об Эрнандо Кортесе

И я стоял у стен Теночтитлана...
Стучало слово «Augur» в висках:
вдруг с неба упадёт, как в Книге манна?
Но в жадность вьелась ржавчиной тоска!
Зачем ты нас, бесстрашный дон Эрнандо,
увлёл искать в чужих краях страну,
где мы из войска превратились в банду,
пустив все корабли за ночь ко дну?
Просчитано до мелочи... Не так ли?
Назад отрезан путь, звала – война.
Узнают ли в тебе Кецалькоатля
ацтеки, чья судьба предрешена?
И ложь, и смерть годились для победы,
а вместо неуступчивых Богов
Иисус Христос разменной монетой
на стол переговоров лечь готов.
Кто принял длань, кто до предела взвинчен...
К ногтю прижата горстка бунтарей.
Кортес же слушал рассказы Малинче
и вторил, словно раб, послушно ей.
Мы продвигались в золотые дали,
не ведая – что новый день несёт,
и племена с лица земли стирали,
и не вели ненужным жертвам счёт.
Мы лезли в пекло со своим уставом:
«Не нравится? Изведай телом меч!»,
чтоб древняя столица перестала
себя от плена вечного беречь!
Не выдержал позора Монтесума,
расплавив сердце горечью утрат.
О чём он пред последним вздохом думал?
О том, как время повернуть назад?
За раненое око били в око;
неважно – кто здесь первым строил дом.
Священные права Куатемока —
пристало ли печалиться о нём?
Предательство, несдержанное слово...
Прах обещаний унесли ветра...
К рассвету для вождя петля готова —
ура Кортесу грозному, ура!!!
Душой перелетев через столетья,
он продолжает жить и в наши дни.
Уж не мечи в ходу, рабам – не плети:
ракетой долетит судьба до них.
И снова бой – у стен Теночтитлана,

и снова ложью перевёрнут крест...
Пока есть «Аугим», война желанна:
идёт на приступ города Кортес!

* Себастьян Кортес – испанский конкистадор, завоевавший Мексику и уничтоживший государственность ацтеков.

* Кецалькоатль – имя божества древней Америки на языке науатль, один из главных богов ацтекского пантеона и пантеонов других цивилизаций Центральной Америки.

* Монтесума – император ацтеков с 1503.

* Куатемок – последний вождь ацтеков.

* Малинче – переводчица, осведомительница и наложница Эрнандо Кортеса, сыгравшая важную роль в завоевании Мексики испанцами. Вероятно, она происходила из знатного рода, живущего в Коацакоалькосе.

Баллада о межпланетном контакте

«Во мне иных миров законы...»

Андрей Чирков.

Не мог представить инопланетянин,
исследуя галактики Вселенной,
себя, как жертву варварских деяний
существ с планеты необыкновенной.

Он знать не знал о хлебе и о соли,
что умер замечательный обычай,
но жаждал ртом-присоской обмусолить,
не замечая в существах отличий.

Пылающей звездой сквозь атмосферу
в тот час, когда лунатики не спали,
прошёл счастливый Гуманоид I,
а далее до места – по спирали.

И в голове его яйцеобразной
кометой просвистела осторожность:
«Ну отчего так неприятны глазу
испуганные гулом эти рожи?»

Он выбрал для посадки чудо-город,
в домах многоэтажных приютивший
народы, чьи святыни, словно горы —
и разума, и вдохновенья выше.

И славные, в стихах, готовил речи,
слова о крепком межпланетном братстве,
а городу ответить было нечем,
а город предпочёл вооружаться.

Ступив на землю гордым и спокойным,
настроил волны на людские души,
в которых билась злоба на иконах,
заклятьем – Гуманоида не слушать!

Чужды законы «вражьего» пространства
тому, кто не привык к воображенью...
Учила злоба: «Ваша доля – пьянство!
И – никаких космических сближений!»

Напрасно гость романтиком-поэтом
пытался светлым чувством поделиться:

метафора у черни – под запретом,
как вредная учебная страница.

И полетели ненависти камни,
и ринулась толпа безумным стадом,
взывая к вожаку: «Веди нас, Каин,
на Авеля небесного, на брата!»

.....

Я рад бы изменить конец легенды
и выкорчевать пень грехопаденья,
но дня портрет, объятый чёрной лентой,
историю
сопровождает
тенью!!!

Баллада о взорванном доме

Посвящается поэту и барду Юрию Потатушкину, трагически погибшему под Сыктывкаром.

Всё может рухнуть в одночасье,
как взорванный
много-
этажный
дом.

А жили в нём любовь и счастье:
два человека жили в нём.

Два голоса сливались в песне...
Казалось, что
не будет ей конца...
Да жизнь порою – та же бездна
и тот же дом,
но без крыльца.

Он уходил и возвращался.
Блуждая по лесам своей души,
прощался с прошлым
и прощался
с этапом горьким и чужим.

Когда сердца нуждались в струнах,
мелодию сопровождала мысль...
Но разве это не «преступно»
там, где не в почести поступки —
взлетать мечтой крылатой ввысь?

А он парил над тёмным миром
не ради славы
и пустых наград —
чтоб рядом женщина парила,
в которой рай сильнее, чем ад.

Два человека, две гитары...
Причём тогда
много-
этажный дом?
И от Москвы до Сыктывкара,
как до экватора пешком!

Судьба богата на сюрпризы:
то – ветра жди,

то – собирайся в путь!
Гораздо легче по карнизу
идти и «рыбкой» не нырнуть!

И смерть в облики «Камаза»
торопится
на полпути настичь.
Ты должен ей и ты обязан
до встречи истину постичь!

Ведь каждый
к случаю причастен,
но, Боже дай —
не как его объект!
Всё может рухнуть в одночасье,
что строилось на сотни лет!

Один день из жизни...

Петух электронный настойчив,
его попури, как набат.
Раскрылись бутонами очи.
А сон был о форте Байярд...
Я выполз на свет из тоннеля
беспомощный, словно дитя,
в чужом, размагниченном теле,
тревожась, что это – не я.

О, ангел! Разбросаны кудри
Творца вдохновеньем в эюд,
и ласковое «С добрым утром!» —
одно из свершившихся чуд.
Любимая женщина – ты ли?
Но завтрак уже на столе...
Горячие чувства остыли,
а следом – и чай, и омлет.

Романтика вдруг отступает,
когда входит барином быт...
Прощанье, улыбка скупая,
и день календарный...
убит!

Риторика транспортной давки
кроит по шаблону мозга.
Судачат о грязном прилавке,
что в почках нарост УЗИ...

До «Южки», где рынок известный
расставил капканы свои —
получасовая поездка,
которая прибыль сулит.
Там я среди разного сброда
(и в том же числе москвичей)
рабом исполняю работу,
порой аккуратней, ловчей,
чем рифмы суммирую в пару,
чем строфики кладку веду...
Ну, кто наградил меня «даром» —
поймать и «прошляпить» звезду?

Законные «восемь» тягучи,
как время —
известия ждать.
Они ни любить не научат,

ни думать, ни сеять, ни жать.
Они превращаются в «десять»,
коль кто-нибудь палец согнёт.
Они превращаются в месяц,
они превращаются в год!

Поэт —
не мышинового цвета!
Я вижу рекламную топь!
Богатство – всего лишь конфета,
в которой начинкою – кровь!
Ах, сколько же ценных бумажек
в руках я бесстрастно держал!
Иные —
украдкой в кармашек,
дразня провиденья кинжал!

Однажды чтоб не оступиться,
да в топи не сгинуть вовек,
мечтаю пленённою птицей
о небе, но я – человек!
Супруга, потомки, квартира...
Так просто расстаться с мечтой!
И я разрываюсь меж лирой
и вынужденной маятой!

От рынка, как сказано выше,
до дома – автобус, метро...
Я к вечеру выстиран, выжат
и тряпкою брошен в ведро.
Телесную грязь можно душем
в мгновенье незримое смыть,
но то, что скрывается глубже,
сплетает судьбы моей нить!
И в полночь, решая дилемму:
«Любовь или сна сериал?»,
споткнусь: «А ведь я на поэму
себя же и обворовал!»

Генерал

*Посвящается генерал-лейтенанту
Тарасову Борису Васильевичу,
замечательному и мужественному человеку.*

Счастливому детству неведом наряд
звериного страха и боли —
учил так советских детей Ленинград
по радио, дома и в школе.

На юные лица не падала тень
крылатых посланников Рейха.
Листовки ещё не кричали со стен
о варварстве траурным эхо.

Но тучи уже собирались в полки,
весеннее небо темнело
И люди шептались – в Гренаде погиб
сосед. Мол, за правое дело!

И люди смотрели: парнишка шагал
по Невскому с новым портфелем...
Ну, разве его напугает «шакал»,
усатый и тощий фельдфебель?

Узнает он цену на воду и хлеб
чуть позже, чем строй алфавита...
Тогда ли пацан возмужал и окреп,
и не был впоследствии битым?

Всё уже сжималось блокады кольцо,
как будто петля вокруг шеи...
А мальчик незримо спешил за отцом
военной тропой в траншеи.

Ему бы – гранату, ему бы – клинок...
Будь проклята эта осада!
Он рвался на фронт, как иные – в кино,
едва минул первый десяток.

Фашиста громить? Извини, не дорос!
У Родины многого просишь...
С обидой вернул в свою душу вопрос —
кто морду набьёт «Барбароссе»?

Дождался Победы, руками салют

ловил перед сном, словно звёзды.
Чего загадать – привилегий, семью,
пока достучаться не поздно?

Стекло ручьём сто мужицких потов
не ради почёта и премий.
Готов ли – в огонь за Отчизну? «Готов!
Назначьте мне дату и время!»

И где бы ни били – в набат, он спешил.
Предатели метили в спину....
Россия, Афган, «Белый дом» * – рубежи,
которые он не покинул.

Глашатай судьбы отправлял на покой:
«Снимай, полководец, забрало!»
Народ никогда не увидит с клюкой
и с белым платком генерала!

Блокада. И больше – ни слова в ответ.
Щитом – против подлости дикой.
Попробуйте сами по совести век
и жить, и препятствовать игу.

* «Белый дом» – до 1991 – Дом Советов РСФСР, в 1991—1993 – Дом Советов России
официально с 1994 – Дом Правительства Российской Федерации.

Голос Левитана

Стояла жаркая пора
за десять суток до июля.
Ходили слухи по дворам,
гудел страны пчелиный улей.

Ещё был вечер трудовой,
ещё не выпрямилось тело,
но отчего-то вдруг домой
оно взволнованным летело.

Там – тёщи милое нытьё,
там – культ Вождя и культ Орловой,
и к счастью светлому ведёт
газеты «правильное» Слово.

Возьмет ли первенство «Спартак»?
Забьёт ли Киеву Федотов?
А всё не выстроится так,
как расписали день по нотам.

Арест соседа – не беда:
ну, прямо взяли по заказу...
Спросить вдогонку бы: «Когда
«накроют» вражью нечисть разом?»

Ответ, точней – девятый вал
заставит вспомнить о наркозе...
И где-то фоном напевал
об утомлённом солнце Козин...

И ни один не смог кроссворд
вместить подкравшуюся тайну —
о чём поведает вот-вот
могучий голос Левитана.

Поклонюсь...

Поклонюсь я солдату
за Берлин, за Рейхстаг,
за победную дату,
за простреленный стяг.
Поклонюсь я герою
за свободную Русь,
за язык, на котором
иногда матерюсь.

Моей Женщине – в пояс
за рождённых детей...
И за долгую повесть
благодарен я ей.
За горячую кружку
для поднятия сил!
Что очаг не потушен,
без любви не остыл.

Поцелую я землю
за поля и леса,
за весеннюю зелень,
и за свет в небесах.
Ну, а если нагрянут
по зиме холода,
хоронить меня рано!
Не уйду никуда!

И ни дважды, ни трижды
враг стучался в мой дом...
Кто из нас будет лишним
скажет время потом.
Не поверю мессиям
и удельных князьям,
что они есть – Россия,
что их в пекло нельзя

Мой дед

Мой дед не брал с Егоровым рейхстаг,
не бил врага в окопах Сталинграда.
Победы май его в плену застал —
будь счастлив возвращению до хаты!

Будь счастлив, что вообще остался жив,
четырежды познав мираж побега...
Не предавал, сдаваясь? Докажи!
Чтоб дома посчитали человеком...

А кое-кто пророчил всем Сибирь —
мол, даже не пытайтесь Богом клясться!
Молчи, солдат, в две дырочки сопи —
вот-вот освободят американцы...

Он молча улыбался им в ответ...
Как будто даже в чём-то соглашался...
Откуда на Россию столько бед?
И эти лезут в душу, манят шансом...

Уже, по слухам, строится стена...
Народы тут причём? Решили свыше...
Зачем ему свободная страна,
где матерного слова не услышит?

Где беглые изгои, как в раю,
живут и, словно янки, скалят зубы...
Он вспомнил мать, любимую свою...
И то, что может быть по-русски грубым!

Мой дед не брал с Егоровым рейхстаг...
Такая правда вызрела сякая...
Расставили героев по местам
Берлин и город Шумана Цвиккау.

Осенняя трагедия

*Памяти жертв, погибших под завалами взорванных домов
в 1999 году.*

В том году я выпал из обоймы.
Помню – в первых числах сентября...
Хвост жар-птицы не был ещё пойман,
и болтался, как оболтус, я.

Без надежды связей мало-мальских...
Изучал расположение звёзд.
Но читалось: «Даже не пытайся
задавать невысказанный вопрос!»

Огорченье не проникло в душу
ржавым, исковерканным гвоздём...
Я топил остаток грусти в лужах,
думал о насущном, о простом.

Осень мне казалась тихой-тихой...
Будто – перед чем-то роковым.
Кто бы знал – какое входит лихо,
и – какое горе вслед за ним!

Сны обычно крепче на рассвете...
И светлее... Люди любят фей.
А в окно тревожно бился ветер:
«Просыпайтесь, милые, скорей!»

Город вздрогнул, словно от испуга,
вытаращил окнами глаза?!?
Разве дом построили из пуха?
Почему – из вечного нельзя?

Почему за жуткое мгновенье
в сны ворвались диверсанты тьмы?
И взметнулись вверх немые тени
к небу, где окажемся все мы.

И накрыло чувства человека,
ищущего свой последний шанс,
как цунами, смерти злое эхо,
на осколки мелкие крошась.

То, что гневно сравнивал с занозой
отодвинулось на задний план.

И с арго смешал стихи и прозу:
был тогда Господь в корягу пьян.
Мы, в быту погрязшие соседи,
откупорили замки скорлуп.
Что дороже есть всего на свете?
Жизнь! На годы Боже скуп!

И шофёр, и лекарь, и артистка,
да и я – товарищ вне труда —
записались сходу в атеисты,
чтобы ОН спустился к нам сюда!

Чтоб в НЕГО опять я смог поверить,
укрывая одеялом дочь.
Мы иного посула хотели!
Не того, что вычернила ночь!

Шли старушки смело в часовые,
отпахавши смены, мужики
на судьбу в подъездах мрачно выли,
но, хлебнув, утюжили круги.

Бывшие враги ценили дружбу
больше, чем «зелёные» рубли,
разделив по-братски щедрый ужин,
что из дома жёны принесли.

Острый взгляд исследовал коробки,
солнечным лучом смотрел в подвал:
где-то был у Сатаны короткий
перед преступлением привал.

И пока рабочий и учитель,
безработный и пенсионер
бдят свою священную обитель,
нет пути убожеству из шхер!

Я забыл о том, что мир наш – дебри,
получив на многое ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.